

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Методы исследования всегда определяются его объектом и целью. Объект этимологического исследования — слово как единство звуковой формы и определенного лексического значения. Цель этимологического исследования в современном языковедении определяется как решение проблемы происхождения слова, причем внимание исследователя концентрируется не столько на поисках этимона (т. е. сочетания первичной формы с первичным значением), сколько на определении модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значении на базе соответствующей языковой системы¹. Поскольку слово как лексическая единица состоит из морфем и поскольку данное определение цели этимологического исследования предполагает помещение слова в определенную словообразовательную систему, постольку словообразовательный анализ должен рассматриваться как составная часть этимологического исследования, последовательное проведение словообразовательного анализа — как один из методов этимологического исследования.

Словообразовательный анализ, в том смысле, как он применяется в этимологии, заключается в выделении и отделении в исследуемом слове морфем, присоединившихся к непрямой с точки зрения древнейшего доступного для нас языкового состояния, основе в различные периоды ее бытования в языке.

Данный тип словообразовательного анализа, предполагающий восстановление исторической последовательности соединения морфем и их фонетического облика периода присоединения каждой из них к производящей основе, может быть назван диахроническим словообразовательным анализом и должен строго отличаться от синхронно-словообразовательного анализа, устанавливающего возможности морфологического членения слова относительного синхронного разреза языка. Результаты этих двух типов морфологического анализа слова часто не совпадают. Вместе с тем диахронический словообразовательный анализ опирается на данные синхронно-словообразовательного

¹ См.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 47—49.

анализа, примененного к последовательным, сменяющим друг друга состояниям одного и того же языка.

Диахронический словообразовательный анализ необходимо осложняется решением вопросов чисто фонетического характера, с одной стороны, и семантического — с другой стороны. Однако и в такой осложненной форме словообразовательный анализ не может исчерпывать всю проблематику этимологического исследования, поскольку за пределами словообразовательного анализа остается проблема отождествления слов, основ и, наконец, корней.

Этимологическое исследование отличается от диахронического словообразовательного анализа именно тем, что круг родственных слов или родство последовательных звеньев развития одной основы не является данным и его установление входит в число задач исследования. Так возникает проблема отождествления, решение которой требует широкого привлечения фонетических закономерностей, наблюдений над семантическими изменениями, данных лингвистической географии, истории культуры и т. п.

Так называемая корневая этимология, т. е. исследование, основанное только на отождествлении корней двух (или более) слов очень отдаленных эпох или разных (хотя и родственных) языков, вызвала резкую критику². Одновременно поощрялось, как противоположное корневой этимологии, этимологизирование, основанное на отождествлении целых слов родственных языков. Однако совершенно очевидно, что даже наиболее убедительное отождествление такого рода не решает само по себе проблемы происхождения данных слов: наличие тождественных образований в родственных языках не означает непременно принадлежность их праязыку и не исключает возможности параллельного развития в родственных языках³; сходные формы даже родственных языков могут быть по происхождению неоднотипными образованиями⁴; наконец, даже доказательное возведение отождествленного слова родственных языков к праязыку не избавляет от решения вопроса о морфологической структуре слова, о его родственном окружении, следовательно, об отождествлении корня. Поскольку целью этимологии является определение модели образования слова в определенной языковой системе, постольку этимологическое исследование не может обойтись без определения корня (или, строже, непроемной

² См.: Х. Педерсен. — KZ, XXXII, 1893, стр. 250—251; В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 113—114.

³ См.: Вяч. Иванов. Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам. «Славянская филология». Сб. статей, II (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 58—63.

⁴ Ср. ит. *piazza* и русск. *площадь* (В. Пизани. Указ. соч., стр. 167—170).

основы), принадлежащего часто древнейшему языковому состоянию и потому необходимо принимающего очень абстрактный вид и значение⁵. Следует, однако, учитывать, что степень гипотетичности этого корня в отношении формы и значения определяется только уровнем наших знаний о древнейшей языковой структуре и ее позднейших преобразованиях, а потому не является величиной неизменной. К тому же гипотетические корни давно уже перестали рассматриваться как исторически неделимые корневые слова первобытного языка и используются в этимологических исследованиях (как и в работах по сравнительной грамматике индоевропейских языков) как основы, непроеизводные с точки зрения определенного периода развития индоевропейского праязыка, который является наидревнейшим из доступных нам сейчас языковых состояний, — как основы, которые, возможно, формально совпадают с исчезнувшими непроеизводными словами того периода, но которые могут равно быть и частями этих более древних слов. Как морфемы (а не слова!) эти индоевропейские корни не могут иметь конкретного лексического значения. Конкретное лексическое значение достижимо лишь в тех случаях, когда хотя бы один из группы родственных языков сохранил от праязыка корневое слово, которое и послужило основой для образования исследуемого слова или группы слов. Но и при этом условии конкретное значение присуще лишь этому корневному слову как таковому; становясь же основой новых слов, их корнем, слово одновременно приобретает абстрактное значение.

Древнейшие корневые имен, однако, сохранилось немного. В большинстве случаев исследование этимологии индоевропейского слова приводит к восстановлению непроеизводной индоевропейской основы («корня») с абстрактным значением и последовательности ее соединения с различными аффиксами, чего, собственно, и достаточно для определения модели слова⁶. Подобный результат этимологического исследования нельзя противопоставлять возможному в некоторых случаях обнаружению исходного корневого слова как нахождению реального происхождения слова⁷. Степень реальности результата зависит (при относительном равенстве прочих условий) от методики исследования, и в последнем случае можно говорить только о большей конкретности этимологии.

В конечном счете правомерность и убедительность выделения индоевропейского корня в этимологическом исследовании

⁵ См.: А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 12.

⁶ Ср.: J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

⁷ См.: Н. М. Шанский. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера. — ВЯ, 1959, № 5, стр. 37—38.

определяется именно доказательностью сближения и последовательностью анализа производных слов отдельных индоевропейских языков.

В методике исследования, в том числе и в применении словообразовательного анализа, этимология переживает растущее влияние со стороны получающих все большее распространение в других областях языкознания тенденций к изучению языка как системы и в связи с этим к предпочтению в диахронических исследованиях метода внутренней реконструкции⁸.

В применении к словообразовательному анализу это означает постепенное и последовательное отделение морфологических элементов анализируемого слова в порядке, обратном их исторической последовательности, на основе тщательного изучения родственного окружения слова, семантически связанных с ним слов и слов тождественного морфологического строения на каждом поддающемся выделению этапе развития данной языковой традиции. Для русского слова, восходящего к индоевропейскому корню (т. е. имеющего родственные связи в индоевропейских языках не только славянской, но и других групп), такими этапами непременно оказываются древнерусский язык (с выделением одного или нескольких хронологических разрезов), праславянский язык и индоевропейский праязык.

Ретроспективный характер и последовательность анализа способствуют устранению типичной для корневой этимологии ошибки — неоправданной архаизации некоторых образований. Так, например, П. Тедеско, исходя из семантических связей славянского слова *naglъ* в славянских языках и словообразовательного анализа круга родственных слов, убедительно доказал славянское происхождение образования *naglъ* (<*na-lbg-lo от **na-leg-* 'напасть, достигнуть'⁹), которое обычно рассматривается как образование индоевропейского характера¹⁰. Таково же направление «Этимологических заметок» А. Вайана¹¹.

Даже в тех случаях, когда слово современного славянского языка имеет бесспорно родственные в древних индоевропейских языках или в современных языках другой группы индоевропейской семьи языков, — даже тогда необходим и полезен последовательный ретроспективный анализ начиная с установления родственного окружения слова в современном языке, так как именно семантическим и словообразовательным связям поздней-

⁸ P. Guiraud. Les champs morpho-sémantiques. Critères externes et critères internes en étymologie. — BSL, t. 52, fas. 1, 1956, стр. 265—288; J. M. Kořínek. Poznámky k metodice etymologizování. «Slovo a slovesnost», ročn. 2, № 2, 1936.

⁹ См.: P. Tedesco. Slavic *pilьnъ and *naglъ*: two etymologies based on meaning. «Language», vol. 27, № 1, 1951, стр. 28—33.

¹⁰ Литературу см.: Vasmer, II, стр. 193.

¹¹ См.: A. Vaillant. Notes étymologiques. «Славянская филология». Сб. статей, I (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 68—75.

шего периода слово может быть обязано существенными изменениями своей структуры, и только после устранения этих поздних наслоений исследователь может переходить к рассмотрению более древних отношений. Ср., например, случаи поздних взаимовлияний семантически близких слов в работе А. И. Попова «Из истории лексики языков Восточной Европы» (Л., 1957).

Рассматривая праславянские источники русского глагола *хвастать*, имеющего точные соответствия в других славянских языках¹², необходимо, например, объяснить представленные в северных великорусских говорах отношения *фáстать* — *фóстѣть*.

При анализе почти любого слова современного индоевропейского языка (разумеется, помимо явных поздних заимствований) целесообразно хотя бы в рабочем порядке провести исследование по всем возможным уровням в их последовательности, даже если представляются убедительными и достаточными для решения вопроса о происхождении слова данные какого-то из верхних уровней. Иногда оказывается, что эти данные свидетельствуют скорее о более поздних семантических связях слова и даже его народноэтимологическом осмыслении, чем о происхождении его. Например, неоднократно предлагалось объяснение русского слова *клевета* и соответствующих слов других славянских языков как чисто славянских производных от глаголов *клепать* или (чаще) *клевать*¹³. Между тем, как показал В. Н. Топоров, наличие в латинском языке очень близкого структурно и семантически слова *calumnia* заставляет предполагать если не индоевропейский характер основы **klew-*, то во всяком случае ее производство от совершенно иного корня, а именно от и.-е. **kel-/ *kol-* 'звучать, звать' и т. п.¹⁴, причем эти соображения хорошо согласуются с семантически параллельными образованиями.

Разумеется, для исследования этимологии слова, неоднократно рассматривавшегося в литературе, совсем не обязательно повторение анализа на всех уровнях, исследователь может сосредоточить свое внимание на наиболее неясном и спорном этапе. Однако исходная анализируемая форма должна быть максимально приближена к избранному уровню исследования не только фонетически, но и структурно. Методологически неточно исследовать праславянскую структуру и отношения для современного русского слова *сын*, опуская доступный для исследователя промежуточный этап в виде древнерусской формы

¹² См.: Sławski, I, 1, стр. 91.

¹³ Литературумсм.: Преображенский, I, стр. 312—313 и Vasmer, I, стр. 566.

¹⁴ См.: В. Н. Топоров. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС, 25. М., 1958, стр. 74—79.

сынъ и ее парадигмы. Разрывы такого рода наблюдаются в этимологических исследованиях Г. А. Ильинского. Не свободны от них и некоторые современные исследования, хотя здесь чаще речь может идти только о большей детализации уровней путем привлечения дополнительных материалов. Например, для уточнения происхождения предполагаемого заимствования русск. *бушлат*¹⁵ представляет интерес предварительное выяснение связи этой формы с формой того же значения *буриллат*, широко употребляющейся в произведениях Станюковича. Рассматривая индоевропейскую этимологию лит. *vadinti* 'звать, называть' и связывая его с др.-инд. *vādati* 'говорит, объявляет' и т. п.¹⁶, возможно, следовало бы прежде осветить его родственные связи в пределах балтийских языков, в частности отношения лит. *vadinti* и лтш. *vedināt* 'приглашать, подговаривать' (а. также отношения лтш. *vedināt* и лтш. *vest* 'вести', *vedējs* 'возница, проводник' и т. п.¹⁷).

Само собой разумеется, что требование последовательности анализа отнюдь не означает, что для каждого современного славянского слова, имеющего индоевропейский корень, анализ должен быть доведен до этого корня. Для производных слов более позднего периода, чем общеиндоевропейский, этимологический анализ может ограничиться отождествлением предполагаемой непроизводной основы слова с основой другого слова того же или родственного языка и объяснением словообразовательной модели слова. Например, для выяснения происхождения русского слова *обыденный* достаточно оказалось доказательного отождествления его основы с именем *день* и объяснения образования в целом слиянием сочетания *въ инъ день*¹⁸.

Последовательный ретроспективный словообразовательный анализ облегчает выяснение сложных, хронологически различных этимологических связей слов, принадлежащих к одному и тому же языковому состоянию. Часто, например, на славянской почве такого рода связи установить не удается и только после анализа на индоевропейском уровне оказывается возможным возвратиться к праславянскому этапу для констатации этимологического родства, восходящего к индоевропейскому праязыку. Так, если и предполагалось родство ст.-слав. *ноць* и русск. *непотырь*, то огласовка *e* все-таки считалась загадочной, и только данные хеттского языка — *nekut* 'вечер', *neku* 'смеркаться' и тох. *nekciye* 'вечером' — свидетельствуют о наличии здесь древнего, индоевропейского происхождения, чере-

¹⁵ См.: F. Hinze. Russ. *бушлат*, Matrosenkittel aus Segeltuch. — ZfS, Bd V, H. 4, 1960, стр. 524—525.

¹⁶ См.: Vasmer, I, стр. 163—164; Walde-Pokorny, 1, стр. 252.

¹⁷ Ср. лат. *induco* 'вводить' и *inductus* 'побуждение, обман'.

¹⁸ См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXVI, № 3-4, 1911, стр. 279—283; Vasmer, II, стр. 247.

дования корневого гласного¹⁹. Точно так же морфологическая структура общеславянского *modliti и лит. *melsti* подтверждает предположение о суффиксальном характере *-a(i)-* в хетт. *malda(i)-* и объясняет его отношения с формой *malđi*²⁰.

Этот порядок исследования тем более необходим для установления относительной хронологии этимологических связей слов, что в некоторых случаях древнейшие корневые имена сохраняются вплоть до стадии современных славянских языков и поэтому образование производных от соответствующих корней может быть ошибочно отнесено также к исторически ближайшему периоду. Так, в великорусских говорах представлено корневое имя *корь* (род. пад. ед. *кря*) 'корень'²¹ при литературной форме *корень*, отношение которой к форме *корь* может быть понято только при анализе на праславянском и индоевропейском уровнях, с привлечением соответствующих форм других славянских и других индоевропейских языков. В подобных случаях особенно важно изучение словообразовательной модели слова и ее совместимости с продуктивными словообразовательными типами древнерусского языка и праславянского языка.

Относительно методики словообразовательного анализа в этимологическом исследовании справедливо неоднократно упоминавшееся, но все еще не всегда соблюдаемое правило Перссона (предложенное для определения детерминативов), согласно которому слово может делиться на корень и формант только при условии, что существование соответствующего корня может быть доказано, а формант представлен в целом ряде форм²². Шпехт, расширяя это правило, считает возможным выделение корня даже в том случае, если он представлен только в связанном состоянии, но в сочетании с различными формантами²³. Таким образом, расщепление слова на морфемы с целью установить историческую последовательность присоединения морфем, изменения морфологических границ и выделения древнейшей словообразовательной модели слова должно основываться (для каждого уровня исследования) на сопоставлении слова со

¹⁹ См.: В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЯ, вып. 2. М., 1957, стр. 19.

²⁰ См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Канд. дисс. М., 1955, стр. 251—252.

²¹ См.: Диттель. Сборник рязанских областных слов. — ЖСт., 1898, вып. II, стр. 214.

²² См.: P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala — Leipzig, 1912, стр. 609.

²³ См.: F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 333. Ср. такой же вывод Г. О. Винокура относительно синхронно-словообразовательного анализа: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 435—436.

всей группой предполагаемых однокоренных и односуффиксальных слов (определение границ этой группы основывается преимущественно на фонетических, семантических, лингво-географических и т. п. критериях). Морфологический анализ может начинаться как с отождествления непроемной основы (корня), так и с выделения суффикса (или префикса), но должен непременно включать в себя решение обоих вопросов, так как корень и суффикс (или второй корень, или префикс, или тематический гласный) — понятия и величины соотносительные, а поэтому без убедительного отождествления корня правильность выделения суффикса остается спорной и наоборот. О. Н. Трубачев справедливо сомневается в правильности выделения корня *бар-* в русском *баран* в отрыве от решения вопроса об отождествлении суффикса *-ан*²⁴. Отмечая вероятность происхождения слав. *пастырь* от *пасты*, Фасмер, однако, оговаривает отсутствие в славянских языках других имен с суффиксом *-тырь*²⁵.

Отождествление корня в случаях мнимой ясности словообразовательной структуры слова тем более важно, что широко распространены аналогические образования, так что если, например, для праслав. **telen-t* наличие более древних отношений конца основы подтверждается образованиями типа **telъsь*, то праслав. **pors-ent* — происхождения аналогичного²⁶.

Для решения вопроса о морфологической членимости слова полезно использовать весь круг родственных слов: не только слова, представляющиеся параллельными анализируемому слову образованиями от общей основы, но и слова, явно производные по отношению к данному²⁷, так как именно в этих производных может лучше сохраниться первоначальный вид словообразовательного форманта исходной основы, а это облегчит его отождествление. Так, например, выделение суффикса *-ъt-* в др.-русск. *лапѣть* по сопоставлению с праслав. **nogъt-* и **olkъt-* подтверждается особенно единством морфологического типа всех трех слов: если **nogъt-* и **olkъt-* первоначально принадлежали к основам на согласный, а затем перешли в основы на *ĭ*, то тот же путь можно предполагать и для **lapъt-*, поскольку уменьшительно-ласкательное *лапѣток* служит доказательством первичной принадлежности основы **lapъt-* к основам на согласный²⁸. Особенно важно использование производных

²⁴ См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 75.

²⁵ См.: Vasmer, II, стр. 322.

²⁶ См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 63.

²⁷ Ср. критические замечания о слове И. Короминаса: Y. Malkiel. Linguistic problems in a new hispanic etymological dictionary. «Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 37.

²⁸ См.: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования, до Петровской эпохи. «Annuaire de l'Institut

в силу того, что в результате обратного образования основа в производящем слове может быть значительно преобразована. Иногда эти изменения касаются фонетической стороны непроемной основы и связаны с народноэтимологическим переосмыслением слова. Например, одновременным действием и обратного образования (от *пучок*), и народной этимологии (к *путать*) может объясняться вятское (XVIII в.) *пут* 'связка' при уменьшительном *пучок*²⁹. В ряде случаев обратное образование может привести к замещению суффикса производящей основы другим суффиксом, который исторически также соотносительен с той формой суффикса, которая фонетически появляется в производном слове. Так, обратным образованием, основанным на существовании исторического чередования *ск/щ*, возможно, объясняется диалектное (рыбинское) *трепескаться*, *-аюсь* 'трястись'³⁰ при литературном *трепетать*, *трепещу*.

Этимологический анализ требует не только расщепления анализируемой формы на морфемы на основании отождествления корня и словообразующего форманта, но и выяснения самой модели словообразования, т. е. значения форманта и степени типичности его сочетания с корнями данного семантического круга.

Для определения значения суффикса обычно необходимо и достаточно описать семантически круг основ (корней), к которым он присоединяется, и круг значений основ, которые с его помощью образуются. Поэтому доказательное отождествление словообразовательных формантов требует сопоставления анализируемого слова со словами, не только содержащими тот же предполагаемый формант, но и принадлежащими к тому же семантическому кругу. Так, например, для доказательства морфологического деления др.-русск. *верзень* 'вид лаптя' < *вързьнь < *върз-ьнь и его образования от др.-русск. *верзати* 'вязать' с помощью суффикса *-ьнь* очень убедительно сопоставление с аналогичным и формально, и семантически диалектным (олонецким) *вѣртенъ*, *вертни* 'берестовые лапти', образованным от *вертеть*; для др.-русск. *въступни* 'вид низкой обуви' как производного от *въступати* с суффиксом *-ьнь* более доказательно сопоставление с тверск. *сбвень* 'башмак' (от *совать*) и *насовень* 'рубаха' (от *насовывать*, *насовать* 'надевать'), чем с великорусск. обл. *лизень* 'говяжий язык' (от *лизать*)³¹. Иногда

Finlandais d'Etudes Soviétiques». Supplément du № 6-10. Хельсинки, 1959, стр. 123.

²⁹ См.: П. К. Симо ни. Вятский областной словарь (1772 г.). — ЖСт., 1899, вып. III—IV, стр. 450.

³⁰ См.: В. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии. — ЖСт., 1902, вып. III—IV, стр. 410.

³¹ И. С. Вахрос. Указ. соч., см.: *верзень* — стр. 77, *въступни* — стр. 75.

вопросы выделения и определения значения того или иного форманта требуют тонкого и тщательного исследования системы глагольного формообразования³², поскольку давние основообразующие форманты стали средствами формообразования. Разумеется, для решения вопроса о морфологическом членении анализируемого слова желательно и доказательно только привлечение для сравнения слов с более или менее ясной словообразовательной структурой. С этой точки зрения малоубедительно предложенное Хинце объяснение группы *-at* в русск. *бушат* путем сопоставления с *халат* и *кадат*³³, которые вряд ли могут рассматриваться как морфологически членимые даже для древнерусского языка. Поскольку при сопоставлениях морфологически сходных слов должен учитываться семантический аспект, постольку для целей отождествления словообразовательных формантов в этимологическом анализе нарицательных имен мало подходят данные ономастики, которые особенно широко использует Соболевский³⁴. Только при условии строгого исторического и семантического отождествления данные ономастики могут использоваться для уточнения вида производной основы анализируемого слова³⁵.

Значение производного слова, возможность выделения суффикса определенного значения и возможное значение корня взаимосвязаны. Знание одного из этих звеньев облегчает определение других, правильность выделения и определения каждого должна проверяться анализом других. Например, исходя из возможности выделить в ст.-слав. *жюнице* 'гроб, могила' суффикс *-ище*, который часто образует слова со значением 'бывшее место чего-то' (ср. ст.-слав. *кладжице*, русск. *селище*, *городище*, *пепелище*), Соболевский предполагает для анализируемого слова первичное значение 'место бывшей жюпы' и связывает это слово с укр. диал. *жюпа* 'соляная копь, яма для добывания соли'³⁶. Этимологический анализ хетт. *paltana* 'плечо' (его сравнение с греч. *πλάτη* 'лопатка весла' и т. п.) опирается на возможность выделить в *paltana*, как в названии части человеческого тела, суффикс *-ana*, обычный в хеттских названиях частей тела (ср. *ištamana* 'ухо' при *ištamaš* 'слышать')³⁷.

³² См.: В. Н. Топоров. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели). — КСИС, 25. М., 1958, стр. 76—79.

³³ См.: F. Hinze. Указ. соч., стр. 525.

³⁴ Ср.: А. И. Соболевский. Из области словообразования. — РФВ, т. LXVI, № 3-4, 1911, стр. 332—333, 335, 337.

³⁵ Ср., например, использование ономастики в исследовании славянских основ на *-й*: Р. Эккерт. К вопросу о составе группы имен существительных с основой на *-й* в праславянском языке. — ВСЯ, вып. 4. М., 1959, стр. 100—129.

³⁶ См.: А. И. Соболевский. Из истории словарного материала. — РФВ, т. LXV, 1911, № 1-2, стр. 410—411.

³⁷ См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры, стр. 479—481.

Отождествление суффикса (если известно его значение) облегчает отождествление корня, поскольку вносит некоторые семантические ограничения: суффикс предполагает корень определенного семантического круга. Так, на характерном для славянских языков употреблении суффикса *-janinъ* для образования названий лиц по месту их пребывания построена Г. А. Ильинским этимология названия славянского племени $\lambda\epsilon\nu\zeta\alpha\nu\acute{\iota}\nu\omicron\iota$: $\lambda\epsilon\nu\zeta$ -должно быть именем с первоначальным территориальным значением, ζ должно передавать смягченный звук, возникший из сочетания с *j*; на основании этого предполагается родство с **leđь* 'невозделанная, необработанная земля, пустошь, новь'³⁸. Однако и в подобных случаях проблема отождествления корня как таковая остается: обычно мы можем с уверенностью говорить о значении продуктивных для данного уровня суффиксов, а именно такие суффиксы особенно часто распространяются аналогически; поэтому без отождествления корня невозможно судить о правильности данного образования с точки зрения употребления и соединения корня и суффикса. Например, суффикс *-ина* образует в русском языке названия мяса животных от основ названий самих животных (ср. *телятина, говядина, свинина, оленина*) и существительные со значением единичности (*ягодина, соломина*), по говорам же его употребление еще шире: ср. диалектное рыбинское *мясина* 'мясо'³⁹.

Определение словообразовательной структуры очень существенно для относительной хронологизации образования. Первые сведения об относительной хронологии возникновения слова дает круг родственных слов, его объем, его распределение по родственным языкам. Наличие однокоренных слов в различных славянских языках свидетельствует о праславянской принадлежности корня, наличие в славянских языках одной и той же производной основы при сохранении соответствующей непроеводной (корня) может свидетельствовать о праславянском происхождении соединения морфологических составляющих этой основы, но правильность этих предположений должна быть проверена анализом на индоевропейском уровне и зависит от наличия соответствующих производных и непроеводных основ в других индоевропейских языках, от наличия в индоевропейском языке соответствующей словообразовательной модели и степени типичности ее для индоевропейского или праславянского словообразования. Например, наличие в хеттском языке существительного *perunaš* 'скала', образованного от корня **per-* при помощи суффикса **-un*, позволяет рассматривать славянское имя *Перунъ* как древнейшее образование,

³⁸ См.: Г. А. Ильинский. Кто были $\lambda\epsilon\nu\zeta\alpha\nu\acute{\iota}\nu\omicron\iota$ Константина Багрянородного? «Slavia», гоѡн. 4, сеѡ. 2, 1925, стр. 314—319.

³⁹ См.: В. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии, стр. 402.

предполагая уже не утрату расширителя *-к- на славянской почве (ср. лит. *perkūnija* 'гроза с громом и молнией'), а отсутствие этого расширителя в производных от корня *per- в ряде «восточных» индоевропейских диалектов⁴⁰.

Несоответствие данных анализа словообразовательной модели и круга родственных слов указывает на ошибочность допущенных отождествлений и морфологического членения слова. Так, возражая против возведения праслав. *jastřebъ к сложению *ostrъ* 'быстрый' и *reбъ* 'пестрый', Фасмер ссылается на противоречие между древним характером слова и поздним происхождением подобных *dvandva* сложений⁴¹. Более правдоподобной в этом отношении представляется этимология, предложенная М. Веем: общеслав. *(j)āsū(s)tr-ēb 'быстро летающий' < и.-е. **ōk'u-pter*⁴².

О древнем характере образования общеслав. *stado* свидетельствует наличие в слове непродуктивного суффикса *-do*⁴³. Общеслав. *koza* О. Н. Трубачев рассматривает как образование относительно позднего характера, поскольку регулярное словообразование типа *koza/kozьlъ* — *kozьlę*, представленного для этой основы, обычно хронологически следует за более древним суплетивизмом типа *ovьsa* — *jagneъ*, *svinьja* — *porseъ* и т. д.⁴⁴

Итак, словообразовательный анализ, как определение морфологической структуры слова и как часть этимологического анализа, может быть связан с другой стороной этимологического анализа — с проблемой отождествления слова, основы или корня — не только в плане формальном (отнесения той или иной группы звуков слова к корню или к суффиксу), но и в плане семантическом — вследствие необходимости определенного, чисто семантического соответствия корня, суффикса (словообразовательного форманта) и образуемого их соединением слова; результаты словообразовательного анализа и решение проблемы тождества могут в силу этого взаимно контролироваться. Определение словообразовательной модели может служить основой для определения и языковой принадлежности соответствующего образования, и относительной хронологии его появления. Но реализация этих очень существенных для этимологии возможностей словообразовательного анализа зависит от степени изученности словообразовательной системы языка, создавшего анализируемое слово, во все периоды его развития, во всех его диалектах и дочерних языках.

⁴⁰ См.: В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, вып. 3. М., 1958, стр. 111.

⁴¹ См.: Vasmer, III, стр. 497.

⁴² См.: M. Veu. Le nom de l'«autour» en slave. — BSL, t. 49, fasc. 1, 1953, стр. 24—39.

⁴³ См.: О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 104.

⁴⁴ Там же, стр. 89.

Изучение словообразовательной системы языка в ее развитии, изучение не только набора используемых словообразовательных формантов и их аранжировки, но и их роли в создании определенных лексико-грамматических групп слов, их отношения к формированию слов более узких семантических групп, изучение омонимии и полисемии словообразовательных формантов, становится, таким образом, необходимым основанием этимологии. При этом следует учитывать, что словообразовательная система в ее истории есть не только основа создания слова, постепенного наращивания словообразовательных формантов, но и орудие разрушения слова в его морфологическом строении, стирания старых границ и создания из старого материала унаследованного слова новых, соответствующих новым структурным моделям морфологических единиц и их соединений. Для того чтобы объяснить и устранить следы более поздних изменений, нарушений и разрушений в древней морфологической структуре слова (даже в тех случаях, когда внешне изменения выражаются только в изменении некоторых звуков, в фонетическом облике слова), необходимо знание словообразовательных систем, которые влияли на слово в его истории, знание морфологических связей слова — и словообразовательных и формообразовательных. Так, появление *-k-* во всей парадигме лит. *juõkti, jẽkti* 'понимать, чувствовать' и *jokẽtis* 'прийти в чувство' вместо ожидаемого *g* (по связи с родственным лит. *jẽgà* 'сила, мощь') Э. Френкель объясняет влиянием произношения некоторых морфологических форм тех же глаголов: *jẽgsiu, jẽgti* должны были звучать как *jẽksiu, jẽkti*⁴⁵.

Происхождение начального *b* в диалектном северновеликорусском *бучни* (*бучень) 'род обуви' (при *оноча, обувать, разувать* и т. д. и и.-е. **-ou-* 'обувать') объясняется переразложением приставочного образования **об-уч-ьнь*⁴⁶.

Ср. подобное же переразложение: новгор. *перезуться*, *перезуйся* 'переобуть сапоги'⁴⁷.

Вероятно, фонетическим упрощением группы *стн* > *сн* в слове *лѣстница* объясняется уменьшительное *лѣсенка*.

Очень важно для этимологии изучение морфологических чередований суффиксов типа гетероклизы *-r/-n-*; наличие подобных чередований может служить дополнительным обоснованием для сравнения однокоренных слов, имеющих различные суффиксы (ср. лат. *acer*, греч. *ἄκων*, слав. *осла*, греч. *ἄκμη* и т. д.)⁴⁸

⁴⁵ См.: Е. Френкель. Zur indoeuropäischen Wortbildung und Etymologie. — LP, III, стр. 119—121.

⁴⁶ См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXX, вып. 2, № 4, 1913, стр. 273—275.

⁴⁷ См.: М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910, стр. 70.

⁴⁸ См.: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 29.

В силу того, что этимология оперирует часто словами, принадлежащими не одному языку, а языкам родственным, существенное значение для этимологии приобретает сравнительное изучение словообразовательных систем родственных языков. От значения и места той или иной морфемы или словообразовательной модели в системе словообразования каждого из родственных языков зависит правомерность сравнения и отождествления слов, основ, корней и выделения словообразовательных формантов. С переходом к языкам наиболее близкородственным необходимость учета возможных различий в словообразовательных системах не отпадает. Расхождения различного характера могут касаться даже словообразования разных говоров одного и того же языка⁴⁹. Разумеется, случаи, когда два кажущихся тождественными слова двух родственных языков оказываются в действительности совершенно различными по происхождению образованиями (ср. Пизани об ит. *piazza* и русск. *площадь*), редки в таких близкородственных языках, как, например, славянские. Однако и здесь они все-таки не исключаются. Возможно, одним из таких случаев является русское наречие *силом* при серб. *силом* и болг. *силом* (общее значение 'насиленно').

Обычно все три слова рассматриваются как производные от *сила*⁵⁰. Развитие образования наречий на *-ом* на основе наречного употребления древних форм творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода относится, вероятно, уже к периоду независимого развития отдельных славянских языков, поэтому рассматриваемые наречия в лучшем случае являются хотя и тождественными, но параллельными образованиями (а не продолжением одной унаследованной праславянской формы). Однако развитие этой словообразовательной модели в наречиях было связано в различных славянских языках с общим развитием системы именного формообразования и могло не дать абсолютно тождественных результатов. В сербском языке утратилось различие форм творительного падежа единственного числа мужского-среднего и женского рода и окончание *-ом* обобщено для всех трех родов. Соответственно возможно образование наречий на *-ом* от имен всех трех родов, например для женского рода: *srećom*, *griješkom*⁵¹. Следовательно, образование *силом* от *сила* вполне возможно; это

---

⁴⁹ Ср. различие словообразовательных моделей в названиях ягод по русским диалектам: Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. «Славянская филология». Сб. статей, III. М., 1958, стр. 97—123.

⁵⁰ Ср. об. укр. *силом*: Преображенский, II, стр. 285; о болг. *силом*: Младенов, стр. 580.

⁵¹ См.: Т. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 578—579.

предположение подкрепляется еще анализом ударения: интонация и место ударения в *силом* свидетельствуют о старом акуте в корневом слоге, что соответствует интонации имени *сила* (праслав. *sila).

К *сила* восходит, вероятно, и болг. *силом*: после утраты падежных окончаний в болгарском языке по аналогии с сохранившимися в наречном употреблении формами типа *денем* могли образовываться наречия на *-ом* / *-ем* от существительных любого рода (ср. *нощем*).

В русском языке сохранилось различие форм творительного падежа мужского-среднего и женского рода. Соответственно в наречном употреблении обычны формы на *-ом* от имен мужского-среднего рода и на *-ой* / *-ою* от имен женского рода. В наречном значении широко употребляется образованная от *сила* форма *силой*, *силою*. Она известна начиная с древнейших памятников русского языка и имеет значение 'насильно'. Учитывая все это, можно поставить под сомнение образование наречия *силом* от того же имени *сила*. Если исходить из основной тенденции данного типа словообразования, то производящей основой наречия *силом* должна быть основа имени существительного мужского или среднего рода, а поэтому допустимо предположение об образовании *силом* от *силоб* 'силок, петля'.

Параллельная наречная форма *силком* (с тем же значением, что и *силом*) может восходить к уменьшительной форме *силок* (др.-русск. *силъкъ*). Ударение в формах *силом*, *силком* соответствует древнему месту ударения в форме творительного падежа единственного числа мужского-среднего рода.

С точки зрения значения сближение наречий *силом*, *силком* с *силоб*, *силок* также представляется допустимым, поскольку значение 'против воли, насильственно' может развиваться из значения 'привести, взять связанным'. Возможно здесь и влияние народной этимологии.

Словообразовательный анализ в этимологическом исследовании не может быть оторван от вопросов морфонологических. Привлечение данных о закономерностях использования определенных ступеней огласовки корневого гласного в различных словообразовательных моделях, о фонетических вариантах в начале и в конце словообразовательных формантов и корней, о типичной для данного языка фонологической структуре различных морфем является поддержкой, подкреплением, а иногда и основой словообразовательного анализа в этимологическом исследовании. Эти данные позволяют сближать фонетически далекие формы, анализировать их хронологические отношения. Так, Младенов связывает как родственные болг. сербск. *vada* 'маленькая канава' и *voda* других славянских языков, основываясь на допустимости в имени ступени удлинения корневого

гласного⁵². Следует, однако, учесть, что соответствующее удлинение наблюдается обычно в отглагольных образованиях, а индоевропейский корень **uod-* 'вода' является именным. Если сопоставить сербск. *vāda* 'маленькая канава, желоб (для воды)' с производным от праслав. **ved-/vod-* 'вести', *vāditi* 'вынимать, извлекать, добывать' и др.-русск. *водоважа* (калька греческого ὑδράγωγος), то, кажется, можно допустить, что и сербск. *vāda*, болг. *вада* являются производными от *ved-/vod-* 'вести'. К этой группе следует присоединить также укр. *вада*: «ривчак для води на поливних городах»⁵³.

Большое значение для этимологии имеет разработка теории фонологической структуры корня в индоевропейском языке. Разумеется, для того чтобы полученные выводы имели доказательную силу, следует изучать с точки зрения фонологической структуры корня, выделенные по лексико-морфологическим признакам. Фонетическое определение корня, из которого хотел исходить в своих исследованиях Ю. Курилович, может быть только целью, результатом исследования. Зато получение более или менее определенных данных о фонологической структуре корня могло бы быть серьезной опорой для словообразовательного анализа. При исследовании слов индоевропейского происхождения, лишенных ясных этимологических связей, подвергшихся действию переразложений в морфологической структуре или слов обособленных, большое значение имела бы возможность хотя бы в рабочем порядке выделить отдельные морфемы, исходя только из фонетических признаков. Во всех случаях это помогло бы уточнить границы морфем.

Не менее существенной является и разработка вопросов фонологической структуры корня и словообразовательных формантов для отдельных групп индоевропейских языков, в частности — для праславянского языка. К сожалению, опытов в этом направлении сделано еще очень мало⁵⁴. Между тем на каждом поддающемся выделению хронологическом уровне исследования словообразовательный анализ должен опираться не только на соответствующие фонологические системы, но и на

---

⁵² См.: Ст. Младенов. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXV, № 1-2, 1911, стр. 361—365.

⁵³ См.: И. О. Дзвездзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958, стр. 40.

⁵⁴ См.: Antonín Dostál. K otázce slovotvorných typů, zvlášť tě slovanských. Studie a práce lingvistické. I. K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka. Praha, 1954, стр. 99—113; V. Mathesius. La structure phonologique du lexique du tchèque moderne. — TSLP, 1, 1929, стр. 67—84; G. Y. Shevelov. The structure of the root in modern Russian. «Slavic and East European Journal», vol. 15, № 2. Bloomington, 1957, стр. 106—124.

соответствующие закономерности фонологической структуры слога, морфемы и слова, также исторически меняющиеся.

К области морфологии относится и такая существенная для словообразовательного анализа проблема, как древнейшее строение основ в индоевропейском языке. Теория Э. Бенвениста об образовании от одного и того же индоевропейского корня I и II основ должна учитываться в этимологических исследованиях всех индоевропейских языков; это избавит этимологию от мнимых заимствований, непонятных нерегулярных фонетических изменений и поможет восстановить реальную картину хронологически различных этимологических связей слов одного и того же языка. Например, рассмотрение хетт. *tekan* 'земля' как продолжения индоевропейской основы I, а соответствующих форм других языков как основы II (тох. А *tkam*, тох. В. *kem* 'земля', греч. $\chi\theta\acute{\omega}\nu$, ст.-слав. **ЗЕМЬГА** и т. д.) дает возможность объяснять расхождения форм этих языков как результат различного рода преобразований образующегося в основе II сочетания согласных, а поэтому ненужным становится гипотетическое бругмановское * ʔ^{55} .

Очень важно в связи с этим изучение вопроса об относительной хронологии живых и продуктивных отношений основы I и основы II. Предложенное, например, Г. А. Ильинским объяснение русск. *бревно*, польск. *bierzwno* из праслав. *brvъ, восходящего к редукции и.-е. **bher-* 'резать' с расширением *-u* (ср. праслав. *borvъ), а русск. *бревно*, чеш. *břevno* из контаминации этого и.-е. *bheru с другим видом основы — *bhrei (т. е., используя терминологию Бенвениста, с основой II, но с другим расширением)⁵⁶ предполагает, что соотношение основ I и II было живым и продуктивным непосредственно перед выделением из индоевропейской языковой общности праславянского языка.

Для решения этого вопроса полезно было бы изучить возможности и относительную хронологию морфологического использования ступени редукции корневого гласного вместо более древней нулевой ступени (которая характерна для основы II)⁵⁷.

Применение в этимологических исследованиях теории Бенвениста об индоевропейских основе I и основе II, открывая новые возможности для этимологического изучения лексики каждого из индоевропейских языков, для более полного изучения путей семантического развития, вместе с тем осложняет

⁵⁵ См.: В. В. Иванов. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры, стр. 587—594.

⁵⁶ См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. LXV, № 1-2, 1911, стр. 221—225.

⁵⁷ Ср.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Paris, 1950, стр. 170.

исследование, поскольку увеличивает удельный вес собственно индоевропейского уровня исследования, для которого еще недостаточно исследованы вопросы относительной хронологии различных фонетических и морфологических процессов, увеличивает удельный вес собственно корневой этимологии. Тем большие требования поэтому должны предъявляться к методике проведения предшествующих этапов анализа. Как и во всяком случае использования словообразовательной модели для этимологического анализа, здесь обнаруживается невозможность ограничить этимологическое исследование рамками словообразовательного анализа и оказывается необходимым многократное решение проблемы отождествления на основе фонетических закономерностей, законов семантики, данных лингвистической географии, истории и т. д.

История этимологии как науки связана с постепенным овладением различными сторонами этимологического анализа. Пришло время признать, что слово — объект этимологического анализа — возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, и поэтому этимологический анализ должен включать в себя методику исследования всех этих структур⁵⁸. Новые знания относительно какой-либо из этих структур позволяют уточнить соответствующий аспект этимологического исследования, иногда — переделить области применения различных методов, но не отменяют необходимости использовать все методы. Так, ларингальная теория не только облегчила в ряде случаев фонетическое отождествление слов родственных языков, но и используется для фонетического объяснения происхождения некоторых элементов, обычно рассматриваемых как морфологические. Например, А. Мартине считает *-k-* в лат. *senex, amica*, праслав. **starьkъ* и т. п. рефлексом индоевропейского H_2 ⁵⁹; различие элементов *-u-* и *-k-* в паре лат. *riuos* — ст.-слав. *rěka* А. Мартине объясняет различием рефлексов индоевропейского H_3 (по Мартине — A^w) в различных фонетических условиях: лат. *rīuos* < и.-е. **riA^wos*, ст.-слав. *rěka* < и.-е. **roiA^ws*⁶⁰. Следует, однако, учитывать, что чисто фонетическое решение подобных вопросов возможно лишь для древнейшего периода развития языков индоевропейской семьи; нужно считаться с возможностью ранней морфологизации фонетически возникших элементов, а отсюда — необходимость использова-

⁵⁸ См.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 47—49; J. Malkiel. The Hypothetical base in Romance etymology. «Word», vol. 6, № 1, 1950, стр. 42—69.

⁵⁹ См.: A. Martinet. Le couple *senex — senatus* et le «suffixe» *-k-*. — BSL, t. 51, fasc. 1, 1955, стр. 42—52.

⁶⁰ См.: A. Martinet. Some cases of *-k-/-w-* alternation in indo-european. «Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 1—6.

ния в соответствующих исследованиях уже словообразовательного анализа.

Место каждого метода исследования в каждом отдельном случае определяется спецификой этимологизируемого слова, наличными данными относительно его родственного окружения, истории и т. д. На различных уровнях исследования могут преобладать различные методы. Ни один из методов не может быть отвергнут с порога. Данные различных методов должны взаимно контролироваться и поддерживать друг друга. Говорить о преобладающей роли какого-то одного из методов можно лишь в порядке полемики с его противниками. Рассматривая как один из возможных стержней этимологического исследования словообразовательный анализ, следует одновременно оговаривать его зависимость и в отношении материала для анализа, и в отношении реальности результатов от решения проблемы отождествления.